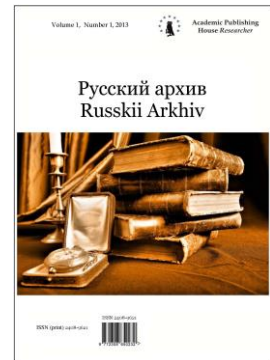

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2018, 6(1): 26-36

DOI: 10.13187/ra.2018.1.26
www.ejournal16.com

Investigative Files as a Historical Source on Social and Political Conflicts in the Don Cossack Villages in the 1930s

Olga V. Rvacheva ^{a, *}

^a Volgograd Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Russian Federation

Abstract

In the 1930s in the Don Cossack areas there quite often occurred sharp increases in protest attitudes and actions due to aggravating social and political contradictions. Starting from 1927 such cases were investigated by the Joint State Political Directorate (OGPU) and investigative files were opened on the participants. Those files were rather thick and often consisted of more than one volume. They contain valuable information that makes it possible to reveal and analyze the mechanism of formation of such files as well as to see the historical details of the social and political life of the Don Cossacks. The investigative files as a historical source have a number of specificities caused by the circumstances of their formation. In this connection they require a special approach on the part of a research worker and a scrupulous analysis. The article focuses on analysis of some sections in the investigative files that reveal peculiarities of the social and political conflicts in the Cossack villages.

Keywords: Don Cossacks, investigative files, historical source, social and political conflicts

В 1930-х гг., в связи с процессом социалистической реконструкции народного хозяйства в СССР, изменяется социально-экономическая обстановка в деревне, происходят серьезные трансформации в социальной, культурной и экономической сферах. Ключевыми факторами, повлиявшими на развитие событий в деревне, стали хлебозаготовки, коллективизация и раскулачивание. Все они приобретали насильственный характер, вызывая волну возмущения в среде крестьянства и попытки сопротивления.

По мнению исследователей, тенденции к прямому государственному насилию в организации хлебозаготовок проявились уже в 1927 г. В дальнейшем государственное насилие в форме прямых репрессий (аресты, суды и проч.) было нередким явлением при проведении хлебозаготовок (Данилов, 1999: 30, 62). В итоге резко росло количество протестных выступлений вплоть до ответных насильственных действий со стороны крестьянско-казачьего населения. Если за 1926 и 1927 гг. Объединенное государственное политическое управление (далее – ОГПУ) зафиксировало по всей стране 63 массовых выступления, то в 1928 г. их количество выросло до 709, а в 1929 г. – до 1307. Количество террористических актов выросло до 1027 в 1928 г. и до 9093 в 1929 г. (Данилов, 1999: 63). В 1927 г. ОГПУ раскрыло 243 антисоветских группы, что более чем в 2 раза превышало

* Corresponding author

E-mail addresses: olgarvacheva@mail.ru (O.V. Rvacheva)

аналогичный показатель за 1926 г. (91 группа). В 1928 г. было раскрыто 273 антисоветских и 133 контрреволюционных группы. Только за январь-март 1928 г. было зарегистрировано 32 теракта (Баранов, 2000: 159). По обзорам ОГПУ, в Северо-Кавказском крае за май-июнь 1929 г. было отмечено 1047 выступлений и 183 теракта против хлебозаготовок (Кислицын, Кириченко, 2007: 295). По данным полномочного представителя ОГПУ СССР по Северному Кавказу из 386 антисоветских выступлений 289 были преимущественно казачьими по составу (ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 801. Л. 157об.–161 об.).

Государственное насилие было важнейшим методом осуществления коллективизации, а сопровождавшие его притеснение и грабеж вызывали резкое недовольство крестьян (Бондарев, 2005: 318). Государственное насилие лежало в основе раскулачивания, предусматривавшего в отношении тех, кто попадал в категорию «контрреволюционный кулацкий актив», высшую меру репрессии, в отношении других категорий – выселение в различные районы страны (Постановление Политбюро, 1930: 126–130). В приказе ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. при нанесении удара по кулакам намечалось изъять (арестовать) и выслать значительное количество людей.

Эти меры не обошли и районы донского казачества, которые попадали под проведение ускоренной коллективизации, как, например, Хоперский округ Нижне-Волжского края, в котором по решению крайисполкома и специальной комиссии Совета народных комиссаров (далее – СНК) РСФСР коллективизацию решено было завершить к 1 января 1930 г. (Ивницкий, 2000: 8–9). В январском отчете ОГПУ по Северному Кавказу за 1930 г. о подготовке к выселению кулаков из края по районам проживания донского казачества было намечено к выселению по округам бывшей Донской области: в Донецком округе – 1,5 тыс., Донском – 3 тыс., Сальском – 1,5 тыс., Шахтинско-Донецком – 2 тыс. человек, а всего, согласно решению Северо-Кавказского крайкома ВКП(б), было решено выселить 20 тыс. кулацких хозяйств (Отчет ПП ОГПУ, 1930: 106–107). В февральском приказе ОГПУ было намечено к изъятию из районов Северного Кавказа и Дагестана 6–8 тыс. человек, из районов Нижней Волги – 4–6 тыс. человек, к выселению – 20 тыс. семейств из районов Северного Кавказа и Дагестана, 10–12 тыс. семейств из районов Нижней Волги (Приказ ОГПУ, 1930: 164–165).

Характеризуя взаимоотношения власти и общества в 1930-х гг., в период проведения хлебозаготовок, коллективизации и раскулачивания, В.П. Данилов определяет их как фактическую гражданскую войну (Данилов, 1999: 52). Бондарев, анализируя крестьянское сопротивление на Юге России, насчитывает 17 форм такого сопротивления (Бондарев, 2005: 326–327). Стремясь не потерять контроль над казачье-крестьянским населением на Юге России, власти при помощи ОГПУ проводили массовые аресты, выявляя одиночные и групповые выступления крестьян и казаков. В январе 1930 г. ОГПУ разослало директиву о предоставлении сведений по агентурным разработкам, организациям, группировкам по кулацко-белогвардейско-бандитскому элементу, количестве участников таких разработок, количестве следственных дел и привлеченных по ним участников (Директива ОГПУ, 1930: 104).

Следственные дела этого периода в отношении тех, кто выступал против хлебозаготовок, коллективизации, налоговой политики советской власти, раскулачивания, фиксируя обстоятельства ареста и факты, доказывавшие их вину, запечатлевали характерные черты и особенности эпохи и становились важным историческим источником. В следственных делах нередко оседала информация, позволяющая детализировать историческую картину того времени, выявить подтверждающие, либо опровергающие общую концепцию исторического развития общества факты. В частности, следственные дела 1930-х гг. в отношении донских казаков позволяют дополнить информацию о социально-политических процессах и настроениях казачества.

Следственные дела являются специфичным источником. Н.В. Кладова, исследуя соотношение информации и смысла в следственных делах, как в исторических источниках, отмечала, что документ способен исказить смысл исторического явления, если информация, содержащаяся в нем, абсолютизируется под влиянием идеологических, политических и прочих установок (Кладова). Н.В. Кладова имела в виду проблему понимания следственных дел людей, подвергшихся репрессиям, так как при прочтении этих дел у исследователя срабатывает метод эмпатического восприятия, что не гарантирует корректности

исторического исследования. Материалы следственных дел активно вводились в научный оборот на протяжении последних пятнадцати лет. Однако, несмотря на это, сохраняется проблема понимания этих источников.

Разбор структуры следственных дел на участников казачьих антисоветских выступлений позволяет выявить важные детали, дополняющие историческую картину эпохи. Так, первое, что отмечает исследователь, открывая следственное дело – это статьи Уголовного кодекса (УК) РСФСР, по которым выдвигалось обвинение. Одной из наиболее «популярных» статей обвинения в 1930-х гг. является статья 58 главы 1 Особенной части УК РСФСР. Глава 1 была введена в действие в феврале 1927 г., речь в ней шла о государственных преступлениях контрреволюционного характера. Даваемое в начале статьи определение контрреволюционному действию предусматривало его широкое понимание: «Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (УК РСФСР, 1926). Статья содержала 14 частей, предусматривающих конкретизацию преступления. Однако на деле такая конкретизация позволяла еще больше расширять границы ее толкования. Например, в наиболее часто применяемых в положениях обвинения следственного дела частях 10 и 14 статьи 58 речь шла о «пропаганде и агитации, содержащий призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти...» и о «контрреволюционном саботаже» (УК РСФСР, 1926). В качестве доказательства вины подследственных приводились высказывания казаков, в которых содержалось недовольство или критика власти. Из свидетельских показаний: «...по дороге... мне рассказал, что советская власть не является властью народа, раньше свободы было в тысячу раз больше, чем теперь при советской власти, особенно Сталин жизнь людей сделал невозможной¹» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 22809-ПФ. Л. 3–3об.); «наши руководители все придумают, лишь бы оставить без шкуры крестьян, ведь для коммунистов безразлично, как подохнуть крестьянам» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 15905-ПФ. Л. 209); высказывание 1930 г. о заеме на пятилетку: «...когда вы с нас бросите драть последнюю шкуру. Сегодня пятилетка, завтра семилетка, а делов никаких от вас нет. По его [обвиняемого – О.Р.], инициативе большинство с собрания поушли, задание по займу было сорвано» (Архив УФСБ РФ по РО. Д. 59826. Л. 4об.) и т.п.

Под обвинение в контрреволюционном саботаже, целью которого, согласно УК РСФСР, являлось ослабление власти правительства и деятельности государственного аппарата, подводились все случаи срыва планов сельскохозяйственных работ: поломка техники, невыполнение норм выработки, плохое состояние скота, случай его падежа и пр. Как отмечал В.П. Данилов, после подключения в 1926 г. к проведению хлебозаготовок ОГПУ, процесс их осуществления стал приобретать характер политической борьбы (Данилов, 1999: 18). Таким образом, обычные уголовные преступления (растраты, хищения, порча зерна и пр.), относившиеся к сфере деятельности милиции и народных судов, становились преступлениями политическими.

Особенно часто упоминание о плохом содержании скота и характеристика этой ситуации как саботажа встречается в делах, относящихся к 1930–1933 гг. С учетом того, что именно на этот период в ряде районов Нижней Волги и Дона пришлось засуха и голод, тяжелое положение с рабочим скотом было объяснимо, однако в следственных делах можно встретить такое объяснение ситуации: «...следствием установлено: в колхозе имеется 64 пары рабочих волов, 50 рабочих лошадей, из которых упитанности средней 1 вол и 3 лошади, остальной же рабочий скот весь по упитанности ниже среднего и истощалый» (дело 1933 г., описывается ситуация в колхозе хутора Булавинского Серафимовичского района Хоперского округа Нижне-Волжского края).

В качестве контрреволюционного саботажа приводились факты жесткого обращения с рабочим скотом, в частности, случаи, когда для поднятия изможденных быков и лошадей колхозниками применялось физическое насилие к ним, характеризующееся как вредительство.

¹ Здесь и далее цитаты приводятся в соответствии с современными нормами орфографии и пунктуации.

Примеры вредительства из обвинительного заключения по делу 1933 г.: «Л.¹ стал быка сечь кнутом и всячески над ним издеваться... Обложили голову быка соломой и подожгли... Л. сек быка кнутом..., но бык так и остался лежащим. В настоящее время бык вышел из строя» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 23517-ПФ. Л. 45). К фактам саботажа относили и то, что колхозники не выполняли дневную норму работы, а также высказывания критического характера, касавшиеся плана работы для колхозников: «Р., работая в бригаде, систематически срывал нормы выработки, вел а[нти]с[оветские] разговоры среди колхозников, говорил: «...выполнять такие нормы невозможно, скот плохой». После этих разговоров колхозники были настроены также, что выполнять нормы невозможно» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 23517-ПФ. Л. 45).

Структура следственного дела включает: обвинительное заключение; свидетельские показания и показания обвиняемых; анкеты, содержащие информацию о социальном происхождении обвиняемых, составе семьи, участии в Белом движении или же службе в Красной армии (с указанием звания), социальном положении и состоянии хозяйства на момент ареста; протокол с описанием вещественных доказательств по делу; решения, кому передать дело – тройке НКВД или суду; приговор и документы, фиксировавшие исполнение приговора, если речь шла о высшей мере наказания. Могли прилагаться справки о медицинском освидетельствовании на предмет, может ли обвиняемый по состоянию здоровья быть выслан в Северный край. В делах могли содержаться характеристики обвиняемого, данные сельским обществом, правлением колхоза и т.п. Содержание этих характеристик может раскрывать социально-политическую атмосферу в казачьих станицах и хуторах.

Например, в уголовном деле 1923 г. Харлампия Ермакова есть характеристика, данная ему жителями села Базковского Вешенской волости, где говорится, что «Ермаков Харлампий Васильевич... действительно честного поведения, и по прибытии его из Красной армии за ним не замечено никаких контрреволюционных идей, а, наоборот, принимал активное участие в проведении органов Соввласти, как, например: охотно работал в с[ельском]/совете, проводил собрания, беседы о строительстве власти, Красной армии, налоговой кампании... разъяснял не только на общих собраниях, но и в частной беседе необходимость увеличения площади посева для скорейшего поднятия экономического состояния РСФСР, являясь своим поведением и образом мыслей вполне лояльным к Соввласти (Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-27966. Т. 1. Л. 41). А в протоколе общего собрания граждан села Базковского говорится о том, что «очень и очень многие могут засвидетельствовать о том, что остались живы, только благодаря Ермакову» (Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-27966. Т. 1. Л. 115). В тот период в ходе проведенного следствия, длившегося до 1925 г. дело в отношении Х. Ермакова было прекращено. Однако в 1927 г. его вновь арестовали, и в этот раз уже никаких положительных характеристик в деле не было. Напротив, все свидетели по делу постоянно подчеркивали контрреволюционное прошлое обвиняемого. В другом следственном деле по факту выявления казачьей контрреволюционной вредительской организации в станице Елизаветинской Азовского района Северо-Кавказского края в 1933 г. в протоколах заседания правления рыболовецкого колхоза данной станицы и президиума станичного совета содержатся только подтверждения вредительской деятельности обвиняемых. В протоколе правления Елизаветинского рыбколхоза «Гигант» отмечалось: «Правление констатирует, что указанная выше группа проводила организованную вредительскую деятельность в колхозе..., вела разлагательную работу по бригадам» и т.п. (Архив УФСБ РФ по РО. Д. 114. Л. 47).

В обвинительном заключении следственного дела обязательно отмечался факт службы обвиняемого в Белой армии, особенно, если он участвовал в захвате отряда красных казаков Ф.Г. Подтелкова в начале 1918 г. или в Вёшенском восстании казаков против советской власти в начале 1919 г., состоял ли он в чине офицера или был рядовым, являлся ли реэмигрантом. Данная характеристика прошлой антибольшевистской деятельности казаков становилась особенной важной при расследовании их выступлений против политики советской власти в 1930-е гг. Согласно февральскому приказу ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса, к кулакам первой категории, к которым должны были

¹ Здесь и далее фамилии осужденных не приводятся полностью по этическим соображениям.

применяться самые суровые меры, относили в том числе активных белогвардейцев, бывших белых офицеров, повстанцев, бывших бандитов и карателей, а также репатриантов ([Приказ ОГПУ, 1930: 164](#)).

Для донских казаков, большая часть которых служила на стороне антибольшевистских сил, белогвардейское прошлое становилось отягчающей мерой при вынесении приговора. ОГПУ рассматривало их как потенциально опасный элемент. Нередко в ходе следствия служба обвиняемых казаков в Белой армии раскрывалась, подробно описывалась и являлась достаточным основанием для уличения их в контрреволюционных настроениях и действиях в настоящем, как, например, в случае с Х. Ермаковым, повторный арест которого пришелся на 1927 г. Хотя с Х. Ермакова в 1925 г. вина за активное участие в Вёшенском восстании была снята, его вновь обвиняли в том, что он в 1919 г. был «преданным командиром восставших, рубил беспощадно красноармейцев». Это являлось достаточным основанием для подтверждения его нынешних действий против власти: «Ермаков... был командиром восставших..., а в настоящее время Ермаков ждет белых, давит бедноту, смеется над коммунистами», «держит себя контрреволюционно, вращается среди кулачества, давит бедноту» ([Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-38850. Л. 10–100б](#)). Такие показания свидетелей становились важнейшими аргументами доказательства вины Х. Ермакова.

Специфика следственного дела как исторического источника требует особой тщательности в его внутренней критике. Одной из главных задач является адекватное и корректное отделение собственно исторической информации, содержащейся в показаниях свидетелей и обвиняемых, от оценочных суждений следователей. Так, реальные ситуации хозяйственных трудностей, социального конфликта, проявившегося в настроениях недовольства казачьего населения, следователи определяли, как ситуацию, сложившуюся вследствие агитации антисоветской группы, что создавало иную картину социальной реальности. В конце 1920-х гг. в сельском хозяйстве складывается и развивается тенденция сокращения посевных площадей, отказ от аренды земли. Причиной этому стало усиление налогового давления, увеличение объема сдачи зерна государству по заниженным ценам, а также опасность попасть в категорию «кулак». Однако в следственных делах такая ситуация в казачьих станицах нередко определялась, как сложившаяся под влиянием кулацкой вредительской агитации.

Так, в 1929 г. в хуторе Верхне-Черновском была арестована группа казаков, обвиняемых по статье 58 ч. 10 УК РСФСР. В обвинительном заключении по делу говорилось, что из-за агитации этой группы хуторское собрание несколько раз отказывалось принимать контрольную цифру хлебозаготовок, так как обвиняемые говорили гражданам хутора: «Братцы, надо голосовать против контрольной цифры, довольно с нас хлеборобов драть шкуру, надо дать этим гадам должный отпор, а то мы терпим, а они смеются с нас дураков, и без конца берут хлеб» ([Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53653. Л. 86–87](#)). Кроме этого, по выводам следствия, именно из-за агитации данной группы стало происходить сокращение посевных площадей. «В августе м[еся]це текущего года возле здания Черновского х[уторского]/совета З. и К. в группе казаков агитировали: «Осенне-посевные площади надо сокращать, довольно нас дурачить, мы сеем, а они забирают, да еще налог увеличивают.... Следствием их агитации посевная площадь гр[аждана]ми не расширялась» ([Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53653. Л. 86–87](#)).

Выявление в следственных делах различных фактов ухудшения социально-политической жизни и состояния хозяйства позволяет определить «болевые» вопросы казачьего населения и особенности реакции казаков на происходящие процессы. Раскрывая антисоветскую агитацию обвиняемых против хлебозаготовок, следователи в обвинительных заключениях отмечали и настроения донских казаков, их готовность к выражению социального протеста, и формы проявляемого недовольства. Так, в следственном деле антисоветской группы хутора Верхне-Черновского разбирались факты агитации против хлебозаготовок, к которым относили, например, такие высказывания обвиняемых: «Граждане, до каких пор мы будем терпеть, отнимают у нас последний хлеб, хотят, чтобы мы и наши дети подошли с голода, не допустим мы этого, хлеба у нас нет, мы его сеяли для себя, а не для них; от принятия контрольной цифры [хлебозаготовки – О.Р.] надо отказаться». Судя по реакции населения хутора отношение к хлебозаготовкам было у всех схожее: «После агитации этих лиц собрание шумело, неслись выкрики: “Хлеба у нас нет” и

лицам, проводившим собрание, стоило больших усилий добиться принятия контрольных цифр» (Архив УФСБ РФ по РО. Д. П-53653. Л. 85).

В хуторе Вертячем в 1932 г. была выявлена «группа кулаков и белогвардейцев», которая «организовала активное сопротивление проводимым на селе хозяйственно-политическим кампаниям вообще, и, в частности, хлебозаготовкам» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 15905. Л. 200). Обвиняемые проходили по статье 58, части 10 и 14 УК РСФСР. Контрреволюционная агитация и саботаж этой группы заключался в следующем: «В конце июля м[еся]ца 1932 г. на заседании правления колхоза при разрешении вопроса о плане хлебозаготовок организованно выступали, поддерживая друг друга... Все они доказывали нереальность преподанного плана в 16 000 цент[неров] и З. заявил: “Если мы будем выполнять план, то вывезем весь хлеб, останемся без семян, и сами будем голодать” ... В августе м[еся]це 1932 г. в здании с[ельского]/совета проходило совещание президиума с[ельского]/совета совместно с правлением, где рассматривался план валового сбора зерна в колхозе. По всем данным этот сбор определялся в 29 000 цент[неров] и, в соответствии с этим, план хлебозаготовок был дан в 16 000 цент[неров]. Пред[седатель] правления колхоза З. и зав[едующий] производством колхоза К. на этом заседании доказывали, что валовый сбор составит 23 000 ц[ентнеров] (преуменьшено на 6 000 ц[ентнеров]). При этом З. говорил: «...план валового сбора, несомненно, велик и нереален план хлебозаготовок в 16 000 цент[неров]. Если мы его примем и выполним, то останемся без хлеба и семян» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 15905. Л. 203).

Руководство колхоза пыталось отстаивать интересы колхозников доступными им способами. Так, в ноябре в колхозных амбарах было обнаружено 147 центнеров пшеницы, засыпанной как материал для посева, но по акту апробации отнесенной к непригодной на семена. Колхозу было предложено немедленно ее сдать. По этому вопросу председатель правления колхоза заявил: «...если бы не наши уполномоченные, я бы никогда не отдал бы из колхоза 147 цент[неров] пшеницы» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 15905. Л. 204). Для улучшения питания колхозников хлеб обменивали на рыбу, разрешали производить обмолот колосьев, собранных с косилок, в пользу косарей и для общего питания бригады. Выдавали авансом в счет трудодней, наряду с рожью, и пшеницу, обосновывая это так: «Надо сначала удовлетворить колхозников, а потом будем выполнять план хлебосдачи», «колхозникам надо дать пшеницы, ведь обидно будет, работали, работали, а белого хлеба не покушают» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 15905. Л. 206).

Встречаются в следственных делах и примеры массовых реакций казачьего населения на проведение политики раскулачивания и выселения кулаков. Ситуации массовых выступлений населения в Северо-Кавказском округе фиксировались в 1930 г. По сведениям штаба Северо-Кавказского военного округа, после начала изъятия кулаков, на Кубани, в Майкопском, Армавирском, Терском округах и в отдельных станицах Донского и Сальского округов отмечалось большое количество антисоветских выступлений. Выступления нередко выливались в эксцессы, когда крестьянско-казачьи толпы по 200–300, иногда до 500 человек, преимущественно женщин, срывали собрания по коллективизации, избивали представителей местной власти и активистов, громили места сосредоточения отобранного кулацкого имущества и т.д. (Сообщение штаба, 1930: 191).

Одно из таких выступлений произошло в хуторе Вертячем Сталинградского округа Нижне-Волжского края весной 1930 г., когда выселение 32 кулацких семей спровоцировало массовые протесты, собравшие около 300 жителей хутора, и еще 200 человек подошли из близлежащего села Песковатки. В этой ситуации проявилась одна характерная черта протестов рассматриваемого периода, определяемая как «бабьи бунты». Из свидетельских показаний председателя сельсовета: «...я повел их [кулаков – О.Р.] на колхозный двор, чтобы они запрягали подводы и готовились к выезду. В это время на улице уже была толпа женщин, около 120 чел[овек], а на углах отдельно стояли мужчины, группами по 10–15 чел[овек]. Когда мы подошли к толпе женщин, и проходили мимо нее, то женщины здорово еще не шумели, а только говорили мне: куда вы их повели, мы все равно увозить их не дадим» (Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 22333-ПФ. Л. 4). Женщины проявляли большую активность, подбивали других «не отдавать кулаков», так как «они нас кормили, а власть морит голодом», призывали сбить замки с амбаров, в которых хранится общественный хлеб, разобрать последний по домам, а также разобрать имущество, отобранное у кулаков.

Именно женщины, в качестве наблюдающих («часовых») за обстановкой на улице, остались «стоять в ночь» ([Архив УФСБ РФ по ВО. Ф. 6. Д. 22333-ПФ. Л. 43](#)).

Л. Виола отмечает, что «бабьи бунты» представляли собой особую форму крестьянских восстаний, яркий пример форм и особенностей крестьянского сопротивления периода коллективизации. Если бунт сам по себе как форма протеста был спонтанным и неконтролируемым, то «бабий бунт» нередко характеризовался истерией, непредсказуемым поведением, разгулом злобы и насилия ([Виола, 2010: 224–225](#)). «Бабьи бунты» были характерной чертой периода коллективизации. С одной стороны, выступления женщин позволяли крестьянскому обществу выплеснуть недовольство проводившимися мероприятиями, попытаться хоть как-то им противостоять. Эти выступления могли быть опасными для власти, вслед за выступлениями женщин нередко следовали выступления мужской части сельского общества. С другой стороны, «бабьи бунты» были относительно безопасной формой социального протеста и политической манипуляции. Если в глазах власти крестьянство в целом являлось «темной массой», то женская часть крестьянского общества характеризовалась как наиболее отсталая. Хотя представители власти и считали, что «бабьи бунты» возникали под влиянием агитации мужчин-кулаков, но на выступления женщин в целом смотрели гораздо более снисходительно, чем на выступления мужчин, реже приписывали им политическую цель, а в случае применения наказания, таковые оказывались мягче, чем для мужчин ([Виола, 2010: 225](#)). Сельское общество это прекрасно понимало, и в период коллективизации и раскулачивания женщины нередко становились авангардом протеста, на них, как группу, в меньшей степени преследуемую властью, возлагали функцию выражения воли сельского общества по тем или иным вопросам.

В следственных делах фиксировались и действительно имевшие место в колхозах в период 1930-х гг. негативные факты деятельности колхозников, которые относились к хозяйственным преступлениям. Например, воровство пшеницы и других видов сельскохозяйственных продуктов, откармливание лошадей на гумнах. Такие действия были не редкостью в колхозах. М.А. Шолохов в письмах к И.В. Сталину в 1933 г. приводит факты кражи колхозниками зерна даже во время сева из сеялок. По мнению писателя, делали они это, чтобы хоть как-то прокормить себя, ибо после дополнительной сдачи зерна остались совершенно без хлеба ([Козлов, 2005: 311](#)). В показаниях казаков рыбколхоза Елизаветинской станицы приводится такое оправдание факта хищения ими рыбы: «Как выход из нашего материального положения, мы договорились о том, что нужно воровать рыбу, иначе нечем жить, и из колхоза ничего не получишь. Рыбу мы воровали вплоть до усиления репрессий» ([Архив УФСБ РФ по РО. Д. 114. Л. 15](#)).

Рассматриваемые в обвинении ситуации невыхода крестьян на работу также были весьма характерным явлением для первой половины 1930-х гг. Так, например, в следственном деле о создании казачьей контрреволюционной организации в станице Елизаветинской также указывается, что одним из фактов вредительства контрреволюционной группы, созданной в данной станице, был срыв плана по ловле рыбы и невыход колхозников на работу (до 45 %) ([Архив УФСБ РФ по РО. Д. 114. Л. 47](#)). Такое поведение колхозников свидетельствовало о нарастании недовольства крестьянского и казачьего населения. Почти в каждой сводке ОГПУ о положении дел в деревне в 1932 г. говорилось об ухудшении политических настроений как колхозного населения, так и единоличников, росте неорганизованного отходничества, разборе скота, массовых выходах из колхоза, многочисленных случаях отказа от работы целых групп колхозников, которые мотивировались отсутствием хлеба и плохой организованностью общественного питания на полях ([Зеленин, 2001: 20–21](#)).

Немало в следственных делах информации о порче колхозного имущества, сельскохозяйственной техники, какие-то из них действительно можно характеризовать как умышленные, но в большинстве случаев имели место халатность, отсутствие рабочей дисциплины и разгильдяйство, пьянство и пр. Такие деяния казаков-колхозников В.А. Бондарев определяет как методы крестьянского сопротивления власти, относя их к пассивным формам крестьянско-казачьего протеста ([Бондарев, 2005: 326](#)).

Итак, в 1930-х гг. в ходе проведения социалистической реконструкции сельского хозяйства власть регулярно применяла государственное насилие по отношению к крестьянско-казачьему населению, ответом на которое становился массовый протест

населения, проявлявшийся в различной форме. Конкретные ситуации такого протеста и действия власти через органы ОГПУ для его подавления фиксировались в следственных делах ОГПУ. Как исторический источник следственные дела позволяют выявить детали формулировок обвинений и специфику его построения, отражавших особенности исторического этапа, раскрывают подробности массовых протестов казаков, специфику состава и поведения их участников, особенности протестного поведения, степень его накала и распространенности, поддержку со стороны жителей станицы или хутора тех, кто первым выступал против действий властей. Конечно, особенности создания такого исторического источника требуют тщательной проверки информации, содержащейся в нем, и правильности ее интерпретации, однако, в целом следственные дела содержат уникальный исторический материал, одна из главных ценностей которого – раскрытие отношений власти и общества с такой стороны, которая до настоящего времени далеко не полностью исследована.

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 16-11-34003 «Социально-политические настроения донского казачества в период социалистической модернизации 1920–1940 гг.».

Литература

Архив УФСБ РФ по ВО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Волгоградской области

Архив УФСБ РФ по РО – Архив Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Ростовской области

Баранов, 2000 – Баранов А.В. Политическая активность и сознание казаков на Северном Кавказе // *Казачий сборник. Ученые записки Донского юридического института*. Ростов-на-Дону, 2000. № 2. С. 154–173.

Бондарев, 2005 – Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х гг. XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов-на-Дону: Издательство СКНЦ ВШ, 2005. 580 с.

Виола, 2010 – Виола Л. Крестьянский бунт в эпоху Сталина: Коллективизация и культура крестьянского сопротивления. М.: РОССПЭН, 2010. 367 с.

Данилов, 1999 – Данилов В.П. Введение. Истоки и начало деревенской трагедии // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999. С. 13–67.

Директива ОГПУ, 1930 – Директива ОГПУ всем ПП ОГПУ о срочном предоставлении сведений об агентурных разработках по следственным делам от 11 января 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 104–105.

Зеленин, 1992 – Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики «чрезвычайщины» (1933–1934 гг.) // *Отечественная история*. 1992. № 6. С. 42–61.

Ивницкий, 2000 – Ивницкий Н.А. Введение. Развертывание «сплошной коллективизации» // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 7–29.

Кислицын, Кириченко, 2007 – Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и пашка. Политическая власть и донские казаки в XX в. Ростов-на-Дону: Издательство ЗАО «Ростиздат», 2007. 416 с.

Кладова – Кладова Н.В. Следственные дела репрессированных: соотношение информации и смысла в историческом источнике. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/74-79.html> (дата обращения 13.12.2017)

Козлов, 2005 – Козлов А.И. М.А. Шолохов: Времена и творчество. По архивам ФСБ. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 2005. 480 с.

Отчет ПП ОГПУ, 1930 – Отчет ПП ОГПУ по Северному Кавказу руководству ОГПУ о подготовке к выселению кулаков из края. 13 января 1930 г. // Трагедия советской деревни.

Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2 Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 106–107.

Постановление Политбюро, 1930 – Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 126–130.

Приказ ОГПУ, 1930 – Приказ ОГПУ о мероприятиях по ликвидации кулачества как класса от 2 февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2 Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 163–167.

Сообщение штаба, 1930 – Сообщение штаба Северо-Кавказского военного округа начальнику Штаба РККА Б. М. Шапошникову о крестьянских выступлениях на Северном Кавказе во второй половине января – начале февраля 1930 г. // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5 т. Т. 2 Ноябрь 1929 – декабрь 1930. М.: РОССПЭН, 2000. С. 191–194.

УК РСФСР, 1926 – Уголовный кодекс 1926 г. Принят 2-й сессией ВЦИК XII созыва. Введен в действие с 1 января 1927 года постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 года (С изменениями и дополнениями). URL: https://ru.wikisource.org/wiki/Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (дата обращения 05.05.2018).

ЦДНИРО – Центр документации новейшей истории Ростовской области

References

Arhiv UFSB RF po VO – Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Volgogradskoj oblasti [Archive of Department of Federal Security Service of the Russian Federation for the Volgograd region]

Arhiv UFSB RF po RO – Arhiv Upravleniya Federal'noj sluzhby bezopasnosti Rossijskoj Federacii po Rostovskoj oblasti [Archive of Department of Federal Security Service of the Russian Federation for the Rostov region]

Baranov, 2000 – Baranov A.V. (2000). Politicheskaja aktivnost' i soznanie kazakov na Severnom Kavkaze [Political activity and consciousness of Cossacks in the North Caucasus]. *Cossack collection. Scientific notes of the Don legal institute*. Rostov-on-Don, № 2. pp. 154–173 [in Russian]

Bondarev, 2005 – Bondarev V.A. (2005). Fragmentarnaja modernizacija postoktjabr'skoj derevni: istorija preobrazovanij v sel'skom hozjajstve i jevoljucija krest'janstva v konce 20-h – nachale 50-h godov XX veka na primere zernovyh rajonov Dona, Kubani i Stavropol'ja [Fragmentary modernization of the post-October village: history of transformations in agriculture and evolution of the peasantry in the late twenties – the beginning of the 50th years of the 20th century on the example of the grain regions of Don, Kuban and Stavropol Territory]. Rostov-on-Don: Publishing house of the North-Caucasian Scientific Centre of Higher School, 580 p. [in Russian]

Viola, 2010 – Viola L. (2010). Krest'janskij bunt v jepohu Stalina: Kollektivizacija i kul'tura krest'janskogo soprotivlenija [Country revolt during Stalin's era: Collectivization and culture of country resistance]. Moscow: Publishing house “Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya”, 367 p. [in Russian]

Danilov, 1999 – Danilov V.P. (1999). Vvedenie. Istoki i nachalo derevenskoj tragedii [Introduction. Sources and beginning of the rural tragedy]. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials] In 5 volumes. Vol. 1. Maj 1927 – nojabr' 1929. [May, 1927 – November, 1929]. Moscow: Publishing house “Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya”, pp. 13–67. [in Russian]

Direktiva OGPU, 1930 – Direktiva OGPU vsem PP OGPU o srochnom prestavlenii svedenij ob agenturnyh razrabotkah po sledstvennym delam ot 11 janvarja 1930 g. [The directive OGPU all software of OGPU about an urgent prestavleniye of data on secret-service developments on investigative affairs of January 11, 1930]. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 volumes. Vol. 2. Nojabr'

1929 – dekabr' 1930 [November, 1929 – December, 1930]. Moscow: Publishing house “Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya”, 2000. pp. 104–105. [in Russian]

Zelenin, 1992 – *Zelenin I.E.* (1992). Politotdely MTS – prodolzhenie politiki “chrezvyhajshhiny” (1933–1934 gg.) [Political departments of MTS – continuation of policy of “chrezvyhajshchina” (1933–1934)]. *Otechestvennaja istorija*. № 6. pp. 42–61. [in Russian]

Ivnickij, 2000 – *Ivnickij N.A.* (2000). Vvedenie. Razvertyvanie “sploshnoj kollektivizacii” [Introduction. Expansion of “continuous collectivization”]. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 volumes. Vol. 2. Nojabr' 1929 – Dekabr' 1930 [November, 1929 – December, 1930]. Moscow: Publishing house “Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya”, pp. 7–29. [in Russian]

Kislicyn, Kirichenko, 2007 – *Kislicyn S.A., Kirichenko A.S.* (2007). Ukaz i shashka. Politicheskaja vlast' i donschie kazaki v XX v [Decree and checker. The political power and the Don Cossacks in the 20th c.]. Rostov-on-Don: Publishing house CJSC “Rostizdat”, 416 p. [in Russian]

Kladova – *Kladova N.V.* *Sledstvennye dela repressirovannyh: sootnoshenie informacii i smysla v istoricheskom istochnike*. [Investigative affairs of victims of political repression: a ratio of information and sense in a historical source]. URL: <http://new.hist.asu.ru/biblio/borod3/74-79.html> (accessed on: December 13, 2017) [in Russian]

Kozlov, 2005 – *Kozlov A.I.* (2005). M.A. Sholohov: Vremena i tvorcestvo. Po arhivam FSB [M.A. Sholokhov: Times and creativity. On FSB archives]. Rostov-on-Don: Publishing house of Rostov University, 480 p. [in Russian]

Otchet PP OGPU, 1930 – Otchet PP OGPU po Severnomu Kavkazu rukovodstvu OGPU o podgotovke k vyseleniju kulakov iz kraja. 13 janvarja 1930 g. [The report of software of OGPU on the North Caucasus to the management of OGPU about preparation for eviction of fists from edge. January 13, 1930]. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 volumes. Vol. 2. Nojabr' 1929 – Dekabr' 1930 [November, 1929 – December, 1930]. Moscow: Publishing house “Rossijskaya politicheskaya ehnciklopediya”, 2000. pp. 106–107. [in Russian]

Postanovlenie Politbjuro, 1930 – Postanovlenie Politbjuro CK VKP(b) O meroprijatijah po likvidacii kulackih hozjajstv v rajonah sploshnoj kollektivizacii [The resolution of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (bolsheviks) on actions for liquidation of kulak farms in areas of continuous collectivization]. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 volumes. Vol. 2. Nojabr' 1929 – Dekabr' 1930 [November, 1929 – December, 1930]. pp. 126–130. [in Russian]

Prikaz OGPU, 1930 – Prikaz OGPU o meroprijatijah po likvidacii kulachestva kak klassa ot 2 fevralja 1930 g. [The order OGPU on actions for elimination of a kulachestvo as class of February 2, 1930]. *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 volumes. Vol. 2. Nojabr' 1929 – dekabr' 1930 [November, 1929 – December, 1930]. pp. 163–167. [in Russian]

Soobshhenie shtaba, 1930 – Soobshhenie shtaba Severo-Kavkazskogo voennogo okruga nachal'niku Shtaba RKKA B. M. Shaposhnikovu o krest'janskih vystuplenijah na Severnom Kavkaze vo vtoroj polovine janvarja – nachale fevralja 1930 g. [The message of the headquarters of the North Caucasus Military District to the chief of staff of RKKA B.M. Shaposhnikov about peasants uprisings in the North Caucasus in the second half of January – the beginning of February, 1930] // *Tragedija sovetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of kulaks. 1927–1939. Documents and materials]. In 5 volumes. Vol. 2. Nojabr' 1929 – Dekabr' 1930 [November, 1929 – December, 1930]. pp. 191–194. [in Russian]

UK RSFSR, 1926 – Ugolovnyj kodeks 1926 g. [Criminal code of 1926]. It is accepted by the 2nd session of All-Russian Central Executive Committee of the XII convocation. It is put into operation since January 1, 1927 by the resolution of All-Russian Central Executive Committee of November 22, 1926 (With changes and additions). URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/>

Уголовный_Кодекс_РСФСР_редакции_1926/Редакция_11.01.1956 (accessed on: May, 5, 2018) [in Russian]

CDNIRO – Centr dokumentacii novejshej istorii Rostovskoj oblasti [Documentation Centre for Contemporary History of the Rostov Region].

Материалы следственных дел как исторический источник по изучению социально-политических конфликтов в донских казачьих станицах и хуторах в 1930-х гг.

Ольга Владимировна Рвачева ^{a,*}

^a Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте Российской Федерации, Российская Федерация

Аннотация. В период 1930-х гг. в донских казачьих районах периодически наблюдался резкий рост протестных настроений и действий, связанный с ростом социально-политических противоречий. Такие конфликты с 1927 г. становились предметом разбирательств ОГПУ, заводившего на их участников следственные дела. Такие дела, будучи обширными, имея по объему нередко несколько томов, содержали важный материал, позволяющий раскрывать и анализировать механизм формирования таких дел, а также выявлять детали исторической картины социально-политической жизни донского казачества. Следственные дела как исторический источник имеют ряд специфических особенностей, обусловленных, прежде всего, ситуацией их создания. В связи с этим они требуют особого подхода исследователя, тщательного анализа содержащейся в них информации. Статья посвящена анализу некоторых положений следственных дел, раскрывающих особенности социально-политических конфликтов в донских казачьих станицах и хуторах.

Ключевые слова: донское казачество, следственные дела, исторический источник, социально-политические конфликты.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: olgavacheva@mail.ru (О.В. Рвачева)